

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Зюбина И.А., Мясичев Г.И., Шаповалова Е.Ю., Нестерова А.С. — Реконструкция речевого портрета политического лидера по материалам переписки Ивана Грозного (опыт прагмалингвистического анализа) // Филология: научные исследования. – 2023. – № 1. DOI: 10.7256/2454-0749.2023.1.38754 EDN: GSTNIFY URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=38754

Реконструкция речевого портрета политического лидера по материалам переписки Ивана Грозного (опыт прагмалингвистического анализа)

Зюбина Ирина Анатольевна

ORCID: 0000-0002-1265-8366

кандидат филологических наук

доцент, кафедра Лингвистики и профессиональной коммуникации, Южный федеральный университет

344022, Россия, Ростовская область, г. Ростов-На-Дону, пер. Университетский, 93

✉ iazyubina@sfedu.ru

Мясичев Георгий Игоревич

кандидат филологических наук

доцент, кафедра Русский язык как иностранный, Донской государственный технический университет

344018, Россия, Ростовская область, г. Ростов-На-Дону, ул. Площадь Гагарина, 1, ауд. 8-539

✉ georgiy-2583@yandex.ru

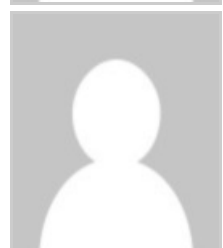
Шаповалова Елена Юрьевна

кандидат филологических наук

доцент, кафедра Русский язык как иностранный, Донской государственный технический университет

344018, Россия, Ростовская область, г. Ростов-На-Дону, ул. Площадь Гагарина, 1, ауд. 8-539

✉ rostaf-cours@mail.ru

Нестерова Анастасия Святославовна

преподаватель, кафедра Русский язык как иностранный, Донской государственный технический университет

344018, Россия, Ростовская область, г. Ростов-На-Дону, ул. Площадь Гагарина, 1, ауд. 8-539

✉ gifoskri@gmail.com

[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2023.1.38754

EDN:

GSTNIFY

Дата направления статьи в редакцию:

13-09-2022

Аннотация: В статье рассматривается возможность изучения конкретной исторической личности методами прагмалингвистики на материале переписки И. В. Грозного в аспекте речевого доминирования автора. Материалом исследования послужили личные письма царя, методами – диагностирование речевой личности говорящего по его речевому поведению. В настоящей статье предлагается применение методов прагмалингвистики, позволяющих описать речевой портрет Ивана Грозного на основе использования им грамматических и текстуальных категорий в переписке с другими монархами и важными историческими фигурами. Таким образом, предметом исследования является речевое поведение исторического деятеля в диахронии методами прагмалингвистики. До настоящего времени реконструкция лингвистического облика царя в основном велась на основе традиционных методов анализа лексико-семантической и стилистической составляющих и сравнения их с социальным портретом. Связь языка и мышления, которая рассматривается на примере переписки, позволяет считать, что основные прагмалингвистические принципы сохраняются в языке неизменными на протяжении длительного времени и функциональные способности грамматических категорий, ассоциирующиеся с личностными предпочтениями, сохраняются несмотря на лингвистическую изменчивость. Проведенный эксперимент речевого диагностирования позволяет авторам изучить аспект речевого доминирования личности Ивана Грозного на уровне лингвистической прагматики.

Ключевые слова:

прагмалингвистика, динамика развития личности, речевое доминирование, стратегия речевого воздействия, историческая языковая личность, речевой портрет, речевое поведение, речевое диагностирование, диахрония, функциональная прагмалингвистика

Концепция Дж. Фодора [\[20\]](#) о генетивной связи языка и мышления позволяет предположить, что основные прагмалингвистические принципы сохраняются в языке неизменными на протяжении длительного времени и функциональные способности грамматических категорий ассоциироваться с личностными предпочтениями сохраняются несмотря на лингвистическую изменчивость. Это позволяет установить сохранение модели формирования психолингвистических связей плана выражения мыслительной деятельности говорящего с выбором одной из грамматических или текстуальных категорий.

Одной из наиболее показательных в отношении методологии идентификации личности говорящего является парадигма категории глагола [\[10, 15\]](#). Ситуативный выбор одной из глагольных форм указывает на предпочтения и отношение говорящего к предмету обсуждения, например, выражения: «Сделай, наконец, домашнюю работу» и «Делай, наконец, домашнюю работу» – равноценны по значению, но обладают разной побудительной силой и смыслом для участников коммуникации. Глагол совершенного вида «сделай» воспринимается более категорично и указывает на доминирование в речевом акте реализуемого события (то, что должно быть точно сделано), а глагол несовершенного вида «делай» указывает на отсутствие деятельности со стороны адресата и говорит о преобладании плана нереализованного события (до сих пор не

сделано) [\[12, с. 71\]](#).

Сравнение парадигматических отношений в древнерусском языке показывает близость психолингвистических связей плана выражения в сравнительно-историческом аспектах.

Например, глагол **бити**, кроме значения «бить», обладает контекстуальным значением «делать», что позволяет сопоставить выражения **бити челомъ (просить) - выбити челомъ (уговорить)** – в данном случае мы видим близость категорий нереализованности/реализованности события с помощью тех же парадигматических средств, что и в современном русском языке: выбить (стройматериалы) – напрасно биться о высокий порог, выбегать (похвалу) – бегать за похвалой, выколотить (аванс) – колотиться (простореч. переживать из-за чего-либо), вымолить (обещание) – молить о снисхождении, вымучить (строфу) – мучиться над строфой и т.д. Этот словообразовательный тип совмещает в себе производные двух разновидностей: с темпоральной семантикой и с семантикой, указывающей на противодействие некоторым нежелательным обстоятельствам. У истоков формирования парадигмы стоят единичные глаголы, в которых указанные семантические варианты также представлены достаточно отчетливо. Это прежде всего **выжити** «прожить где-либо установленный срок» (ср. «И мне Ивану лютные лета выжив□»[\[2\]](#)), где достаточно определенно выражена временная семантика, а также **выстояти** с семантикой преодоления трудности, препятствия: «выстоять на море было не мочно» [\[2\]](#). В XVII веке подобные единичные глаголы еще не составляли словообразовательного типа и потому нет оснований выделять соответствующее словообразовательное значение. Позднее число глаголов с подобными значениями в языке увеличивается и значение «преодоления» времени или нежелательных обстоятельств становится типовым.

Глубокая историческая связь между словообразовательными, лексическими и грамматическими значениями проявляется уже в том, что словообразовательное значение формируется на базе обобщения глагольными приставками лексических значений тех глаголов, с которыми они сочетаются, при этом изменения идут как на уровне значения слова (лексическом), так и на уровне оттенков смысла (семантическом), что говорит о присутствии прагматической вариативности и возможности варьировать словообразовательные модели для выбора наиболее привычной. Это свойство глаголов реализуется во всем национальном корпусе, независимо от исторического периода его существования, что говорит об универсальности модели. Следовательно, наблюдения за фактами древнерусского языка и их реализацией в текстах с использованием разработанных ранее методик позволяют идентифицировать личность говорящего с тем же успехом, что и в современном русском языке.

В качестве пилотного проекта исследования речевого портрета древнерусского автора методами прагмалингвистики предлагается исследовать портрет Ивана IV. Материалом исследования послужили личные письма царя, методами – диагностирование речевой личности говорящего по его речевому поведению [\[11\]](#).

Прежде чем приступить к систематизации и анализу фактов речевого поведения автора посланий, следует дать краткий предваряющий исторический комментарий. Как замечает один из самых серьезных исследователей вопроса С. О. Шмидт, «человек большого писательского дарования, Грозный столь же не сдержан в своей литературной деятельности, как и на государственном поприще. Грозный полагал излишним литературное редактирование своих сочинений («занеже слово мимолетно, а не

постоятельно»), а ближайшие его сотрудники не рисковали вносить в эти сочинения даже стилистические поправки. Отсюда неряшливость формы, многочисленные повторы и отступления, растянутость изложения, нагромождение плохо соединенных между собою цитат. Но отсюда же и непосредственность изложения, естественность языка, полнокровность и многообразие лексики. Все эти черты заметно отличают послания Грозного от сочинений Курбского, изящных по форме, немногословных, тщательно продуманных, «яко обычеи искусным и ученым»» [\[19, с. 257\]](#).

Данная цитата как нельзя лучше обосновывает возможность привлечения переписки Ивана Грозного в качестве материала исследования его речевой личности. Нарочитое сохранение царем стиля разговорной речи и отсутствие редакторской правки позволяет изучить присущие именно этому человеку психолингвистические черты [\[5, 7\]](#).

В то же время следует отметить, что часть переписки Ивана Грозного существует в нескольких редакциях, отличающихся некоторой вариативностью полноты изложения материала. Связано это с особенностями делопроизводства Московского царства периода с 1530-х по 1700-е гг. (см. историю происхождения списков посланий в сборнике «Послания Ивана Грозного» [\[14, с. 529-555\]](#)). Опираясь на исследования С. О. Шмидта, Я. С. Лурье, Л. Е. Морозова и др., рассматриваем данные тексты как авторские, полагая, что вносимые переписчиками изменения не касались основных лингвистических особенностей стиля царя, что доказывается совпадением (более 70%) основных редакций текстов, отличающихся лишь полнотой и некоторыми погрешностями, относящимися именно к работе переписчика.

Это позволяет говорить о реконструкции образа Ивана Грозного по эпистолярным памятникам, с известной долей вероятности совпадающей с непосредственным речевым портретом, который реконструируется методами прагмалингвистики путем прямого наблюдения за живой речью исторической языковой личности.

Титульные речевые формулы в «Посланиях» конституируют статус Говорящего в глазах читателя, определяя тон и порядок взаимодействия участников коммуникации. Как и в случае с любой формой лозунга, читателю определенным образом навязывают модель восприятия Говорящего и желаемый перлокутивный эффект, что говорит о стремлении проявить лидерство даже в рамках переписки с равным по статусу государственным лицом (например, королями Польши и Швеции).

Статусный характер титулования официальных лиц в Средние века и начале Нового времени подробно описан в исторических исследованиях, мы же должны отметить, что титулы монархов в истории цивилизации выполняют не только сугубо номинативную функцию, как имена собственные, но и дипломатическую. Титул монарха обозначал границы его власти и положение, которое он и его государство занимает в мире. Искривление в официальных или иных документах титула приравнивается к посягательству на суверенитет государства [\[9, с. 6-15\]](#). Например, после принятия Иваном Грозным титула «царь» (т.е. цезарь, император) далеко не все монархии мира согласились принять изменившуюся юридическую формулу титулования русского царя в международных отношениях и в мирных и иных договорах специально прописывалось, что договаривающиеся стороны признают статусность титула нового императора [\[17, 18\]](#).

Следует обратить внимание, что официальная формула титулования Ивана Грозного в посланиях им постоянно дополняется. Так, в зависимости от коммуникативных намерений сосредоточие русской государственности предстает: «благочестивым», «блаженным»

(близким к богу), «божественным» (ниспосланным богом). Его письма могут быть «поминками» (напоминаниями) или «грозным повелением» (ультиматумом).

Интересна реакция адресатов на послания царя, которую мы можем наблюдать, например, у Андрея Курбского: «Краткое отвещание князя Андрея Курбского на зело широкую епистолию Великого князя Московского». То, что Курбский в «титле», т.е. заглавии письма именует Ивана Грозного всего лишь Великим князем Московским, является по меркам эталонов принятого тогда этикета прямым оскорблением. Уже на уровне фатической функции посланий мы видим конфликт образа говорящего в плане иллокутивного намерения и перлокутивного эффекта, когда оба коммуниканта при смене коммуникативных ролей ниспровергают речевой образ друг друга [3, 4]. Еще более интересно в этом отношении послание 1570 г. к английской королеве Елизавете. Текст этого послания является сдержанной (для Грозного) нотой протеста против нарушения британской стороной дипломатического протокола при ведении дел, который чреват ущемлением государственных интересов России. В этом послании Иван Грозный пропускает свой титул и не упоминает титул английской королевы. Данный факт трактуется некоторыми историками (например, Валишевским, Радзинским) как пренебрежение, тогда как в данном случае речь идет о подчеркнутом неофициальном характере письма, даже в какой-то степени интимном, где Грозный пытается без официальных нот, только на уровне межличностных отношений с Елизаветой, решить назревающий конфликт. Здесь мы видим проявление невиданной сдержанности и даже расположения царя, поскольку в посланиях к другим государям с выражением недовольства Иван Грозный никогда не проявляет подобной скромности, а сразу демонстрирует собственное превосходство:

«Божественного и пречестного, троичного, единственного, препетаго, трисоставного, неразделного естества отца и сына и святого духа, вся содержащего милостию, властью и хотеньем скипетродержателя Росийскаго царства великого государя царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Руси /.../ высочайшаго нашего царского порога, честные нашия степени величества **грозное сие повеленье с великосилною заповедию да есть**» [14, с. 143].

Таким образом, уже в рамках обязательной речевой формулы представления адресанта адресату можно наблюдать реализацию отношения автора к читателю, его стремление занять ту или иную позицию в аспекте проявления лидерства в коммуникации, определенную словесную игру, отображающую индивидуальный подход к каждому собеседнику.

Лексико-семантический и стилистический уровни основной части посланий характеризуются как крайне разнообразные в плане используемых Иваном Грозным речевых элементов: традиционной церковнославянской книжной лексики, религиозных цитат, московского просторечья, канцеляризмов, сниженных выражений. Для данной работы представляют интерес те лексико-стилистические особенности речи Ивана Грозного, которые имеют отношение к самопрезентации автора и восприятию его личности читателем. С этой позиции материал посланий следует разделить на две категории: полемические послания, в которых личность автора представлена в виде заочной дискуссии с оппонентом, и референтные, где автор не рассчитывает на полемику, а лишь излагает существо вопроса.

Каждое послание композиционно состоит из трех частей: адресации («титла»), где указывается самопрезентация Ивана Грозного через представление его читателю; прецедентной части, где кратко излагается фабула обсуждения (причина, побудившая

царя написать письмо и тезисы, на которые царь счел необходимым ответить); собственно, послания Грозного. Важно отметить, что такая композиция, вопреки мнению ряда исследователей (Шмидт, Рогов и др.), является традиционной для эпистолярного жанра позднего Средневековья – начала Нового времени в России (см., например, переписку архиепископа Новгородского или послания Алексея Михайловича). Трехчастная композиция позволяла выполнить основную фатическую и информационную функции письменной коммуникации: представить автора должным образом, ограничить заочную дискуссию существом дела, избежать неверного толкования (как и предполагала трактовка античного риторического канона) и изложить необходимые сведения. Изменения в данной концепции произойдут только уже в петровское время, когда прецедентная часть либо минимизируется, либо опускается.

В полемических письмах Грозный строит самопрезентацию в виде заочного диалога, где каждой цитате прецедентного текста противопоставляется антитезис царя, часто являющийся повтором тезиса противника, но уже адресованный ему самому. Например, что пишет в ответе Курбскому Грозный. Курбский: «аще и тьмами хвалишася в гордости своей», Грозный: «ти...гордостию дмяся хвалишися», «безумием дмяся хвалишися», «гордостию дмяся выше меры» [\[14, с. 47\]](#).

В целом повторы, пересказы и жонглирование аргументами противной стороны – характерная особенность полемических посланий Грозного, где лидерские позиции автора по отношению к адресату посланий выстраиваются по принципу оппозиции, где превосходство царя по всем качествам в сравнении с адресатом демонстрируется исходя из собственных слов адресата. Интересно в этом отношении послание Василию Грязному, где Грозный отчитывает своего думного дворянина. Он цитирует своими словами письмо Грязного, приводя на его тезисы контраргументы, доказывающие несостоятельность автора прецедентного текста и подчеркивая собственную значимость: «Али ты чаял, что таково ж в Крыму, как у меня стоячи за кушеньем шутити? Крымцы так не спят, как вы» – на царском пиру гостей царя охраняет сила самого государя. «А что сказываешься **великой человек – ино что по грехом моим** учинилось <...> **А помянул бы ти свое величество** и отца своего в Олексине <...>, **а ты в станице у Пенинского был мало что не в охотниках с собаками**». Грозный демонстрирует, что Грязной ссылается на свой профессионализм государственного деятеля, тогда как начинал карьеру с самых низов. «**И мы того не запираемся, что ты у нас в приближение был**». Грозный подтверждает факт того, что Грязной был ему близок, но в качестве меры выкупа из плена – контекстуально ценности самого человека – пишет: «И мы для приближенья твоего тысячи две рублей дадим, а **доселева такие по пятидесят Рублев бывали**». При этом себе цену он тоже называет: «...а **ста тысяч oprичь государей ни на ком окупу**» [\[14, с. 194\]](#).

В полемике со своими оппонентами Грозный рисует образ эпического героя, сходный с известными античными памятниками, т. е. на психолингвистическом уровне демонстрирует сходство приемов самопрезентации с древнейшими формами воздействия на читателя.

Так, в письме Андрею Курбскому Грозный «скромно» венчает собою линейку крупнейших государственных деятелей Византии и России, да еще и намекает на то, что он как царь и личность есть прямое проявление божьей воли: «Богом нашим Иисусом Христом дана была едиnorodного сына божия победоносная и вовеки непобедимая хоругвь – крест честной первому из благочестивых царю Константину и всем православным царям и хранителям православия. И после того как исполнилась повсюду воля Провидения и

божественные слуги слова божьего, словно орлы, облетели всю вселенную, искра благочестия достигла и Российского царства. Исполненное этого истинного православия самодержавство Российского царства началось по божьему изволению от великого князя Владимира, просветившего Русскую землю святым крещением, и великого князя Владимира Мономаха, удостоившегося высокой чести от греков, и от храброго и великого государя Александра Невского, одержавшего великую победу над безбожными немцами, и от достойного хвалы великого государя Дмитрия, одержавшего за Доном победу над безбожными агарянами, вплоть до отомстителя за неправды деда нашего, великого князя Ивана, и до приобретателя исконных прародительских земель, блаженной памяти отца нашего великого государя Василия, и до нас, смиренных скипетродержателей Российского царства» [\[14, с. 208\]](#).

Еще больший пафос содержит Послание Александру Полубенскому, где пространную (1600 слов) компиляцию цитат из священных текстов, «Повести временных лет» и Владимирского летописного свода завершает кульминация всей Российской, а возможно и мировой истории в контексте самопрезентации автора: «Сего тричисленного божества отца и сына и святого духа милостию и властью и хотением покрываемы, иногда же ограждаемы и заступаемы и соблюдаемы и утверждаемы, и удержаном скипетро Росийского царствия; мы великий государь царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси [следует полный титул] нашего **царьского повеления слова**» [\[14, с. 197\]](#).

Послания референтного характера отличаются более сдержанной самодемонстрацией, но тем не менее и в них автор формирует образ «идеального человека», обладающего властью над читателем, независимо от его статуса. Например, политическая интрига с «уступкой» российского престола Симеону Бекбулатовичу ознаменована ерническим посланием Ивана Грозного, где он иронически именует себя «князем Иваном Васильевичем Московским» (т.е. Великим князем, поскольку престол находится именно в Москве), а адресата «Великим князем Всея Руси», подчеркивая, что царский титул остается неназванным, т. е. сохраняется за Иваном. Далее следует прямой приказ о проведении сборов служилых людей, на который «шапочному» великому князю Симеону остается лишь наложить формальную резолюцию: «А показал бы ты, государь, милость: запретил у тех людишек, которых мы примем к себе, отнимать вотчинишки, как прежде велось у удельных князей; велел бы ты им отдать из их поместьишек хлебишко и деньжонку и всякое их рухлядишко, а людей их велел бы выпустить, не захватывая их имущества» [\[14, с. 195\]](#). Лексика послания содержит массу уничижительных форм: «Да **окажи, государь, милость, укажи нам** своим государевым указом», но из самого «титла» «великому князю Симеону Бекбулатовичу всея Руси подали эту челобитную князь Иван Васильевич Московский» и конкретных распорядительных указаний (на что, в частности, указывают пропущенные частицы «бы» при глаголах прошедшего времени – в приказной системе тогдашнего документооборота это равносильно приказу) проступает шуточный характер послания, являющегося иносказательным царским указом [\[6\]](#).

В послании Яну Ходкевичу после формального титулования царя содержится похвала адресата («Муж храбрый, высокоумный и почтенный, достоин ты быть первым среди своего рода и начальствовать!») и затем просьба выступить в качестве посредника на переговорах со Стефаном Баторием: «И ты бы сам говорил своему государю, а также братии своей, панам вашей рады, и совместно со своей братьей, с панами рады, говорил бы своему государю королю Стефану, чтобы ваш государь незамедлительно слал к нам своих послов, а мы хотим достойным образом заключить с ним мир и установить дружеские отношения» [\[14, с. 205\]](#).

Это послание, как другие деловые письма царя (например, упомянутое уже письмо королеве Елизавете, переписка с Баторием, послание к Тетерину), почти не содержат подтекста самоутверждения, лишь на формальном уровне остаются указания на царское достоинство автора.

Методы классической лексикологии и методы функциональной прагмалингвистики предполагают изучение лексического состава компонентов речевого высказывания, что позволяет лучше понять мотивы автора, его восприятие собеседника и цель коммуникативного воздействия. Синтез методов позволяет определить авторскую стратегию речевого воздействия на адресата послания и ожидаемую автором реакцию.

Как уже говорилось, речь Ивана Грозного в посланиях чрезвычайно разнообразна, при этом в них Иван Грозный реализует всего две авторские стратегии: подавления собеседника и абсолютного доминирования в коммуникативном взаимодействии и некоторую паритетность, с сохранением жесткой позиции по принципиальным вопросам.

Подводя итог исследованию, можно отметить следующее:

Существует возможность диагностирования личности в диахроническом аспекте развития языка и литературы методами прагмалингвистики. Обосновывается этот вывод общностью лингво-когнитивных решений при выборе Говорящим средств речевого воздействия на слушающего. Как показывает анализ, механизм такого выбора основывается на психолингвистических моделях мышления человека, имеющих достаточно продолжительный период генезиса.

Изученный в качестве примера вопрос о таких чертах речевого портрета Ивана Грозного, как доминирование в коммуникации с собеседником, показывает, что для Грозного характерно использование четырех стратегических моделей:

1) Прецедентная, которая состоит в цитировании религиозных текстов, отсылках к историческим событиям, перечислении биографических подробностей жизни Грозного, служащих примером его деяний. Функциональная составляющая этих текстов заключается в подавлении собеседника обилием текста – демонстрацией объективных причин превосходства автора текста над ним: «Сего убо трисиянного божества отца и сына и святого духа в лицах, во едином же ипостаси исповедуема существе и покланяема и славима и безначална, и бесконечна волею и хотением и властью и действием творения, рек бог «да будет свет» и бысть свет, и прочая творения твари яже на небеси горе и яже на земли низу и в преисподних...» [\[14, с. 197\]](#). В частности, в послании к Полубенскому упоминание бога составляет почти 15% от общего числа слов в 2300 единиц, упоминаются князья Игорь, Ярослав Мудрый, Владимир Мономах, апостол Павел и всего 14 исторических и мифологических персонажей. Дается широкий этногеографический экскурс с упоминанием легендарных агарян, Сирии, Пруссии, сарматов, мавров и других народов. При этом предметно-содержательная сторона послания (отказ в претензиях) содержит всего порядка 300 слов. Многочисленные повторы, усилительные формы, образные выражения («яко орли летание») подчеркивают лидерские позиции Грозного в отношении с собеседником.

2) Автопанегирическая модель. Суть данной модели состоит в прямой похвале автора самого себя. Здесь проявляются два типа реализации стратегии: прямой автопанегиризм: «скипетродержатель», «царское величество», «благочинный», «благочестивый», «праведный» и т.д.; второй способ – через ироническое самоуничижение, легко трактуемое как контекстную антонимию: «Иванец Васильев»

(уменьшительное имя), «с своими детишками» (наследники обладают тем же титулом, что и адресат, т.е. адресант значительно превосходит адресата в титулатуре), «челом бьют» (явная ирония).

3) Остракизм. Ивану Грозному свойственен своеобразный юмор, который он проявляет в отношении зависимых людей (см. послания от имени бояр к Яну Ходкевичу, Стефану Баторию, письмо Василию Грязному, послание Симеону Бекбулатовичу и т.д.), но при этом в равной степени ему свойственно прямое оскорбление собеседников, в том числе с использованием инвектив: «собака», «собацкий сын», «дрочон», «палаумова роду», «буян сын», «гнилая утроба» и т.д. Примечательно, что когда Курбский упрекает царя в употреблении непристойных слов, царь отвечает ему: «яко розумию, тако же и глаголю ти» и «занеже слово мимошественно, а не поостоятельно». Осознанное стремление самоутвердиться за счет демонстрации превосходства по отношению к получателю сообщения превосходит в контексте коммуникации с заведомо малоуважаемым или малоценным собеседником (в глазах Грозного) необходимость соблюдения этикета.

4) Паритетная модель. Реализуя паритетную модель, Грозный проявляет сдержанность в аспекте выражения лидерства в коммуникации. В этом случае тексты значительно более лаконичны по содержанию и менее насыщены лексико-синтаксическими конструкциями, которые можно отнести к доминированию автора. Как правило, в отношении собеседника не используются какие-либо нападки на личность, а утверждение личности автора сводится к употреблению титула государя.

Библиография

1. Аветян Э. Г. Семиотика и лингвистика. Ереван: Ереванский государственный университет, 1989. 250 с.
2. Акты XIII-XVII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества / собр. и изд. Александр Юшков.-М.: Унив. тип., 1898.-Из "Чтений в Имп. О-ве истории и древностей рос. при Моск. ун-те" за 1898 г. (фотопринт). С. 208-209, 260.
3. Васильев А. А. Концепция православной монархии Ивана IV Грозного: монография. Барнаул: Новый формат, 2016. 208 с.
4. Голев Н. Д. Мотивационные ассоциации русских лексем, их изучение и лексикографическое описание // Актуальные проблемы русистики. Томск: Издательство Томского университета, 2000. С. 149-157.
5. Грачев М. Н. Политическая коммуникация: теоретические концепции, модели, векторы развития. М.: Прометей, 2004. 328 с.
6. Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М.: Искусство, 1984. 350 с.
7. Котляров Н. Средневековый тип государственности и его русская модель XIV-XVI вв. // Сословия и государственная власть в России, XV-середина XIX вв.: тезисы докладов Международной конференции «Чтения памяти акад. Л. В. Черепнина», 13-16 июня 1994 г. Ч. 1. М., 1994. С. 213-222.
8. Лурье Я. С. Первое послание Ивана Грозного Курбскому (вопросы истории текста) // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 31. Ленинград: Наука, 1976. С. 202-234.
9. Магдолна Агоштон. Титул правителя Московского государства (1474-1533 гг.) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2004. №4. С. 6-15.
10. Маслов Ю. С. Вид и лексическое значение глагола в современном русском

литературном языке // Маслов 1984.

11. Матвеева Г. Г. Диагностирование личностных свойств автора по его речевому поведению. Ростов-на-Дону: ДЮИ, 1999. 82 с.
12. Матвеева Г. Г. Скрытые грамматические значения и идентификация социального лица (портрета) говорящего. Диссертация доктора филологических наук. СПб, 1993. 332 с.
13. Морозова Л. Е. Иван Грозный и публицисты XVI века о пределах и характере царской власти // Римско-константинопольское наследие на Руси: идея власти и политическая практика. М.: РАН, 1995. С. 236-251.
14. Послания Ивана Грозного / Подготовка текста Д. С. Лихачева и Я. С. Лурье. Перевод и комментарии Я. С. Лурье; Под редакцией В. П. Адриановой-Перетц; Редактор издательства Е. Б. Томсинская. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1951. 715 с.
15. Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. Т. 1—2. М: Академия наук СССР, 1958. 536 с.
16. Рогов А. И. Культурные связи народов Восточной Европы в XVI в. Проблемы взаимоотношений Польши, России, Украины, Белоруссии и Литвы в эпоху Возрождения / под редакцией Б. А. Рыбачкова. М.: Наука, 1976. С. 166-175.
17. Чернецов А. В. Представление русских книжников XVI века о власти русских князей и византийских императоров // Римско-константинопольское наследие на Руси: идея власти и политическая практика. М.: Издательство РАН, 1995. С. 266-271.
18. Чернышов С. А. Иван Грозный-потомок Чингиз-хана или Августа: легитимизация верховной власти Московского царства в коммуникационных практиках XV-XVI вв. // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7. № 1. С. 159-174.
19. Шмидт С. О. Заметки о языке посланий Ивана Грозного // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 14. М.: Л.: Издательство Академии наук СССР, 1958. С. 256-265.
20. Fodor J. Language of thought. Tomas Y. Crowell Company, Inc. New York, 1975. 320 p.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Реконструкция речевого портрета политического лидера по материалам переписки Ивана Грозного (опыт прагмалингвистического анализа)», предлагаемая к публикации в журнале «Филология: научные исследования», несомненно, является актуальной, ввиду малого количества научных работ в отечественной филологии, посвященных исследованию речевого портрета исторической личности. Трудность представляет неоднозначный статус исследований речевого портрета, а также работа с текстами, датированными 16 веком. Данные проблемные вопросы и пытается решить автор в ходе работы, опираясь на работы предшественников.

Однако автор не конкретизирует объем выборки. Автор приводит как теоретические данные других исследователей, так и собственную классификацию выявленных особенностей. Отметим, что постулируемое автором иллюстрируется примерами с пояснениями. Однако вызывает вопрос объем исследуемого языкового корпуса, принципы выборки и анализ результатов. Знакомясь с текстом статьи, отмечу, что в некоторых местах представлена цитация, в иных непонятно собственные ли выводы

представляет автор или заимствования? В статье не представлена четкая методология исследования. Предположим применением методов классической лексикологии и функциональной прагмалингвистики в том числе их синтез.

Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, упоминание основных исследователей данной тематики, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. К недостаткам можно отнести отсутствие четко поставленных задач в вводной части, неясность методологии и хода исследования. Библиография статьи насчитывает 20 источников, среди которых как работы на русском языке, так и на иностранном. К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов по отечественной филологии, теории литературы. В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. Высказанные замечания не являются существенными и не влияют на содержание. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Реконструкция речевого портрета политического лидера по материалам переписки Ивана Грозного (опыт прагмалингвистического анализа)» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.